

Рудольф Штайнер

Основы Теории Познания

Из GA 52

Основы Теософской Теории Познания
Берлин, 1903 год

Многим из вас, конечно, известно, что у большей части наших современников слово теософия не может вызвать ничего другого, кроме улыбки. Многим также известно, что именно те, кто в наше время претендует на научное или, скажем, философское образование, рассматривают теософию как нечто такое, что можно отнести к дилетантским занятиям или к фантастическим верованиям. Можно видеть, что главным образом среди ученых на теософа смотрят как на беспочвенного мечтателя, который придерживается своеобразных представлений о мире лишь потому, что не удосужился усвоить основы теории познания. Вы найдете, что особенно в тех кругах, которые считают себя научными, исходят из предпосылки, что теософ не имеет никакого философского образования, а если он даже и получил таковое или говорит на эту тему, то всё это поверхностные, вычитанные вещи.

Эти доклады не обращены непосредственно к теософам. Для этого здесь было достаточно прочитано других. Они должны стать объяснением с западноевропейским философским образованием, разъяснением того, как научный мир относится к теософии и как мог бы к ней относиться. Они должны опровергнуть предрассудок, что теософ будто бы необразован и несведущ в науке. Кому не приходилось довольно часто слышать, что философы различных направлений - а направлений этих предостаточно - полагают, что представления мистиков туманны и пропитаны всевозможными аллегориями и элементами чувств, что теософия не дошла до выработки строго-методического мышления. Если бы она сделала это, то увидела бы, по какому сомнительному пути идёт. Она увидела бы, что мистика может пустить корни лишь в головах чудаков. Это предубеждение известно.

Но я не хочу начинать с упреков. Не потому, что это не соответствовало бы убеждению теософии, но потому, что с точки зрения философского образования я не считаю теософию дилетантизмом и говорю все же из глубин её убеждения. Мне вполне понятно, что тем, кто усвоил западноевропейскую философию и, следовательно, вооружен всем научным арсеналом, будет трудно увидеть в теософии нечто иное, кроме того, что им знакомо. Имеющим философское и научное образование действительно неизмеримо труднее освоиться в теософии, чем тем, кто подходит к теософии с наивным человеческим разумом, с естественным, возможно, религиозным чувством и потребностью решения некоторых загадочных вопросов жизни. Ибо западноевропейская философия создаёт на пути своих учеников так много препятствий, предлагает им так много противоречащих теософии суждений, что это лишает их возможности связать себя с теософией.

И действительно, в теософской литературе почти нет ничего похожего на то, что можно было бы назвать объяснением с нашей современной наукой, что можно было бы назвать философским. Поэтому я решил прочитать об этом ряд докладов. Они должны дать основы теософской теории познания. В ходе этих докладов вы познакомитесь с понятиями современной философии и их содержанием. И если вы постигнете их настоящий, истинный и глубокий смысл, то в конце - но вы должны подождать до конца - вы увидите, как из этой западноевропейской философии пробиваются ростки основ теософского познания. Это будет достигнуто не посредством своего рода искусного диалектического жонглирования понятиями, но будет достигнуто, насколько это возможно в нескольких докладах, во всеоружии познаний, которые дают нам наши современники; это будет достигнуто каждым, даже тем, кто ничего не желает об этом знать, но в состоянии принять нечто из опыта более высокого мировоззрения.

То, что я намерен изложить, было бы невозможно излагать тем же самым образом в другую эпоху. Пожалуй именно теперь настало время познакомиться с Кантом, Локком, Шопенгауэром или с нашими современниками, скажем, Эдуардом фон Гартманом и его учеником Артуром Дреусом или с гениальным гносеологом Фольккельтом, или с Отто Либманом, или с несколько литературным, но методически не менее строгим Эйкенем. Кто освоился в этой области, кто познакомился с теми или иными оттенками мировоззрений нашего времени и недавнего прошлого, тот убедится в том, - у меня нет в этом ни малейших сомнений. - что истинное, честное понимание этого философского развития должно не уводить от теософии, а приводить к ней. И кто основательно разобрался в философских учениях, тот должен прийти к теософии.

Возможно мне не нужно было бы это говорить, если бы всё мышление нашего времени не находилось под влиянием одного философа. Говорят, что великое духовное деяние Иммануила Канта дало философии научную основу. Говорит, что он заложил незыблемый фундамент теории познания. Говорят, кто не разобрался с Кантом, тот не имеет в философии права голоса. Вы можете просмотреть различные направления: Гербарта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, течения от Шопэнгауэра до Эдуарда фон Гартмана, - во всех этих течениях мысли может разобраться лишь тот, кто ориентируется на Канта. После того, как в 19 веке образовались различные направления, в семидесятых годах прозвучал призыв, - сначала от Целлера, затем от Либмана, затем от Фридриха

Альберта Ланге, - призыв: "назад к Канту". - И доценты философии тоже считают, что следует ориентироваться на Канта, и лишь тот, кто делает это, может рассчитывать в философии на право голоса.

Кант наложил отпечаток на все философские направления 19 века, вплоть до наших дней. Но он вызвал нечто совершенно иное, чем хотел. Он сказал об этом так: я полагаю, что совершил такое же деяние, как Коперник. Коперник перевернул всё астрономическое мировоззрение. Он убрал из центральной точки Землю и поместил туда другое тело, которое прежде мыслилось в движении, Солнце. А Кант сделал человека с его познавательными способностями центральной точкой физического рассмотрения мира. Он перевернул всё физическое рассмотрение мира. И большинство философов 19 века полагает, что этот переворот был необходим. Эту философию можно понять, лишь постигнув её предпосылки. Последствия кантовской философии можно понять лишь в том случае, если постигнуть их из её основ. Кто поймёт, как Кант пришел к выводу, что мы никогда не сможем познать "вещь в себе", поскольку мы познаём лишь явления, тот поймет и ход развития философии 19 века, и возражения, которые могут быть выдвинуты против теософии, и даже то, как ему следует к ним относиться.

Вы знаете, что теософия опирается на высший опыт. Теософ утверждает, что источником его познания является опыт, который выходит за пределы чувственного опыта. Вы можете видеть, что этот опыт имеет то же значение, так же действителен, как и опыт чувств, а то, что теософ говорит об астральном мире и так далее, так же действительно, как и вещи, которые мы воспринимаем вокруг нас своими чувствами как чувственный опыт. Теософ считает своим, источником познания высший опыт. Прочитав "Астральный план" Лидбитера, вы найдете, что вещи астрального плана так же реальны, как дрожки и лошади на улицах Лондона. Это говорит о том, насколько действителен этот мир для того, кто его знает. Современный философ сразу же возразит: да, но ты ошибаешься, поскольку веришь, что это является истинной реальностью. Разве философия 19 века не доказала: то, что мы называем нашим опытом, есть не более чем наше представление? И что даже звездное небо - не более чем наше представление. - Он считает это наидостовернейшим знанием, которое вообще только возможно. Эдуард фон Гартман очевидной истиной считает то, что, это является нашим представлением, что невозможно знать - существует ли кроме него что-то ещё. Если ты веришь, что этот опыт можно назвать "действительным", то ты наивный реалист. Можешь ли ты что-то решить о значении этого опыта, если ты таким образом относишься к миру? Мир вокруг нас должен быть нашим представлением - вот важнейший итог кантианства.

Как кантовское мировоззрение пришло к этому? Оно возникло из предшествующей философии. В то время, когда Кант был еще молод, повсюду господствовала философия Христиана Вольфа. Он отличал так называемое опытное знание, которое мы получаем посредством чувственных впечатлений, от знания, которое проистекает из чистого разума. Если с вещами обычной жизни можем мы разобраться только посредством опыта, то, согласно Вольфу, с вещами, принадлежащими к высшим предметам познания, - посредством чистого разума. Такими вещами являются человеческая душа, свободная воля человека, вопросы, касающиеся бессмертия и божественного Существа.

Так называемая эмпирическая наука занимается тем, что открывается в естествознании, в физике, в истории и так далее. Благодаря чему получает астроном свои познания? Благодаря тому, что он направляет свой взор на звёзды и согласно наблюдению устанавливает законы. Мы изучаем это благодаря тому, что открываем чувства внешнему миру. Никто не может сказать, что это черпается из чистого разума. Человек знает это, поскольку видит. Это и есть эмпирические познания, которые мы воспринимаем из жизни, из опыта, независимо от того, приводим мы их в научную систему или нет; это - опытное познание. Никто не может описать льва только из разума. В противоположность этому Вольф допускает то, что можно черпать из чистого разума. Вольф допускает, что учение о душе мы получаем из чистого разума, поскольку душа должна обладать свободой воли, должна обладать разумом и так далее. Поэтому науку, которая занимается высшим учением о душе, Вольф называет рациональной психологией. Вопрос о начале и конце мира - вопрос, который должен решаться лишь из чистого разума. Этот вопрос он относит к предмету рациональной космологии. Никто не может из опыта решать о целесообразности мира, никто не может исследовать это посредством наблюдения. Эти вопросы относятся исключительно к рациональной космологии. Затем имеется наука о Боге, о божественном предначертании. Она равным образом черпается из разума. Это и есть так называемая рациональная теология или рациональная метафизика.

Становление Канта пришлось на то время, когда обучали именно такой философии. Вы найдете, что в своих первых работах он был последователем Вольфа. Вы найдете, что он был убеждённым сторонником рациональной психологии, рациональной теологии и так далее. Он приводит доказательство, которое называет единственно возможным доказательством бытия Бога. Затем он знакомится с философским направлением, которое оказывает на него потрясающее воздействие. Он знакомится с философией Давида Юма, которая, говорит он, пробудила его от догматического сна. - Что предлагает эта философия?. Юм говорит следующее: мы видим, что Солнце восходит утром и заходит вечером. Мы видели это много раз. Мы знаем, что все народы видели восход и заход Солнца, что они имеют тот же самый опыт; и мы привыкли полагаться на то, что это всегда происходит именно так.

А теперь следующий пример: мы видим, что солнечные лучи падают на камень. Мы полагаем, что именно

солнечное тепло нагревает этот камень. Что мы здесь видим? Мы сначала воспринимаем солнечное тепло, а затем - нагретый камень. Что мы здесь воспринимаем? Лишь то, что один факт следует за другим. И убеждаясь на опыте, что солнечные лучи нагревают камень, мы уже образуем суждение: солнечные лучи есть причина того, что камень стал теплым. Юм утверждает: мы не видим здесь ничего кроме последовательности фактов. Мы приучили себя верить, что здесь имеет место некая причинная связь. Но эта вера только привычка, и всё, что человек придумывает о понятиях причины, относится лишь к этому опыту. Человек видит, что один шар сталкивается с другим, он видит, что за этим следует движение, и затем привыкает говорить, что в этом есть некая закономерность. В действительности же мы не имеем дела ни с каким настоящим познанием.

Чем же является то, что человек из чистого разума рассматривает как познание? Это не что иное - так утверждает Юм, как взаимосвязь фактов. Мы должны привести во взаимосвязь факты мира. Это соответствует привычке, склонности человеческого мышления. И мы не имеем никакого права выходить за пределы этого мышления. Мы не можем утверждать: в вещах есть нечто, что придает им закономерность. Мы можем только констатировать, что вещи и события протекают мимо нас. Но в отношении вещи "самой по себе" мы не можем говорить о таких связях.

Как же можем мы теперь утверждать, что в вещах нам открывается нечто, что выходит за пределы опыта? И если мы склонны руководствоваться лишь привычками мышления, то как же можем мы говорить о связях в опыте, которые проистекают от превосходящего опыт божественного Существа.

Это воззрение пробудило Канта от догматического сна. Он спросил: существует ли нечто такое, что выходит за пределы опыта? Даёт ли нам опыт достоверное познание? На эти вопросы Кант, естественно, сразу же ответил отрицательно. Он сказал: даже если вы видели восход Солнца сто тысяч раз, то из этого совсем не следует, что утром оно взойдет снова. Могло бы быть иначе. Если вы заключаете только из опыта, то даже один раз может случиться так, что опыт убедит вас в чем-то другом. Опыт никогда не может дать достоверного, необходимого познания.

Я знаю из опыта, что Солнце нагревает камень. Но я не могу утверждать, что оно должно его нагревать. Если бы все наши познания происходили из опыта, то мы никогда не могли бы выйти из состояния неуверенности; так как не существует никакого необходимого эмпирического познания. Теперь Кант пытается выйти за эти вещи. Он ищет выход. На протяжении всей своей молодости он привык доверять познанию. Но под влиянием философии Юма он позволил убедить себя в том, что оно не дает достоверности. Но существует ли вообще что-то, о чем можно говорить как о достоверном и необходимом познании? Да - говорит он, - достоверные суждения существуют. Это - математические суждения. Может ли математическое суждение быть подобным следующему: Солнце восходит утром и заходит вечером?

Я выношу суждение, что сумма трех углов треугольника = 180° . Если я приведу доказательство для одного треугольника, оно будет действительным для всех остальных. Из природы доказательства я вижу - оно подходит для всех возможных случаев. В этом особенность математического доказательства. Каждому ясно, что оно должно подходить и для обитателей Юпитера и Марса, если только там вообще есть треугольники; что даже там сумма углов треугольника должна быть равна 180° . И затем: дважды два всегда будет равно только четырём. Это всегда будет истиной. Так мы получили доказательство, что безусловно достоверное познание существует. Вопрос, следовательно, не в том: существует ли такое познание, но - как возможны такого рода суждения?

Так возник главный вопрос Канта: как возможны такие безусловно необходимые суждения? Как возможно математическое познание. Теперь Кант назвал те суждения и познания, которые черпают из опыта, суждениями и познаниями *a posteriori*. Но суждение: сумма углов треугольника равна 180° - есть, однако, суждение, которое предшествует всякому опыту, суждение *a priori*. Я могу просто представить треугольник и привести доказательства, а затем, когда я вижу треугольник, о котором я еще почти ничего не знаю, я могу утверждать, что сумма его углов равна 180° . Всё высшее знание связано с моей способностью выносить суждения из чистого разума. Как возможны такие суждения *a priori*? Мы видели, что суждение: сумма углов треугольника равна 180° - это такое суждение, которое подходит ко всем треугольникам. Опыт должен следовать за моим суждением. Нарисовав эллипс и посмотрев в мировое пространство, я вижу, что какая-то планета описывает подобный эллипс. Планета следует моему образованному в чистом разуме суждению. Следовательно, я подхожу с моим, образованным исключительно в идеальном суждении к опыту. Почерпнул ли я это суждение из опыта? - спрашивает Кант дальше. Образую такое чисто идеальное суждение, мы, несомненно, вообще не имеем дела с реальным опытом. Эллипс, треугольник не обладают никакой опытной реальностью, но реальность следует за таким познанием. Если я стремлюсь к истинной действительности, я должен приступить к опыту. Но если мне известны законы, которые действуют там, то я обладаю познанием до всякого опыта. Закон эллипса происходит не из опыта. Я образую его сам из моего духа. Одно место у Канта начинается даже так: Если сравнить все наши познания с опытом, то не все они берут из него своё начало. Я вкладываю в опыт то, что имею в познании. Человеческий дух устроен так, что всё в его опыте соответствует лишь тем законам, которые он имеет. Человеческий дух устроен так, что он с необходимостью должен создавать эти законы. Когда же он приступает к опыту, то опыт должен следовать этим законам.

Например, надев синие очки, вы всё увидите в синем свете, все предметы для вас станут синими. Какими

могут быть вещи вовне на самом деле, это меня пока совсем не касается. В тот момент, когда созданные моим духом законы налагаются на весь мир опыта, последний должен соответствовать им. Неправда, что суждение: дважды два - четыре, - взято из опыта. Это свойством моего духа обусловлено то, что дважды два всегда будет равно четырем. Мой дух таков, что сумма трех углов треугольника всегда будет 180° . - Так Кант обосновывает законы из самого человека. Солнце нагревает камень. Каждое действие имеет причину. Это законы моего духа. Если мир является хаосом, то я противопоставляю ему закономерность моего духа. Моё познание мира подобно нанизыванию жемчуга на нитку. Я есть тот, кто превращает мир в механизм познания. - Теперь вы видите, как Кант пришел к такому радикальному методу познания.

Пока человеческий дух организован так, как он организован, до тех пор всё, даже если бы действительность за ночь изменилась, должно соответствовать этой организации. Для меня ничего не изменится, если законы моего духа останутся прежними. Мир может быть таким, каким хочет; мы познаём его таким, каким он нам должен являться согласно законам нашего духа.

Теперь посмотрим, что имеют в виду, когда говорят, что Кант перевернул всю теорию познания. Прежде полагали, что человек "вычитывает" всё из природы. Но теперь он позволил человеческому духу предписывать природе законы. Он позволил всему миру вращаться вокруг человеческого духа, как Коперник позволил Земле вращаться вокруг Солнца.

Но есть еще и нечто другое, что показывает, что человеку вообще невозможно выйти за пределы опыта. Хотя это и кажется противоречием, но вы увидите, что это согласуется с кантовской философией. Кант показывает, что понятия пусты. Дважды два равно четырем - это пустое понятие, если не наполняется бобами или горошинами. Каждое действие имеет причину - чисто формальное суждение, если не наполняется определенным содержанием опыта. Суждения подготавливаются во мне для того, чтобы быть примененными к созерцанию мира. "Созерцания без понятий слепы, понятия без созерцаний пусты". Мы можем мыслить миллионы эллипсов, но если мы не увидим их в движениях планет, они не будут соответствовать никакой действительности. Мы можем приобрести суждения а priori, но применить их сможем лишь тогда, когда они совпадут с опытом.

Но Бог, свобода и бессмертие души суть вещи, о которых мы ещё долго можем размышлять, о которых никакой опыт не даст нам познания. Поэтому совершенно напрасно подходить к ним с нашим разумом. Понятия а priori имеют силу лишь настолько, насколько простирается наш опыт. Поэтому хотя мы и имеем науку а priori, но она лишь говорит нам, каким должен быть опыт, если таковой имеется. Мы можем как бы опутать опыт некой паутиной, но это ничего не говорит нам о том, как законы становятся опытом. О "вещи в себе" мы ничего не знаем, а так как Бог, свобода, бессмертие должны иметь свои истоки в "вещи в себе", то мы не можем в них разобраться. Мы не видим вещи такими, какие они есть, но такими, какими мы должны их видеть согласно нашей организации.

Так Кант обосновал критический реализм и преодолел наивный реализм. Что подчиняется закону причинности, то не является "вещью в себе". Что подчиняется моему глазу или уху, должно сначала произвести на них впечатление. Это восприятия, ощущения. Они являются воздействиями "вещей в себе", вещей, которые для нас абсолютно неизвестны. Они производят множество воздействий, а я упорядочиваю их в закономерный мир. Я образую себе организм ощущений, но что находится за ним, этого знать я не могу. Ничего кроме закономерности мой дух в эти ощущения не вкладывает. Поэтому мир, который окружает меня, является лишь субъективным. Он есть лишь то, что я создаю сам.

А теперь и развитие физиологии 19 столетия, по-видимому, полностью признало правоту Канта. Возьмите выводы известного физиолога Иоанна Мюллера. Он установил закон специфической энергии чувств. Согласно этому закону каждый орган реагирует по-своему. Если на глаз действует свет, то вы имеете световой образ, если же глаз подвергается механическому воздействию, то вы также имеете ощущение света. Из этого Мюллер делает вывод, что не от внешних вещей, но от моего глаза зависит то, что я воспринимаю. Глаз отвечает на неизвестные мне процессы световыми качествами, скажем: голубого. Голубого не существует во внешнем пространстве. На нас воздействует некий процесс, который и вызывает ощущение "голубого". Вы полагаете, что это нечто находится перед вами, но это не что иное, как воздействие какого-то неизвестного процесса на орган чувств. Вся физиология 19 столетия дала явное подтверждение этого закона специфической энергии чувств. Благодаря этому, как кажется, были подтверждены идеи Канта.

Это мировоззрение в прямом смысле слова можно назвать иллюзионизмом. Никто ничего не знает о том, что воздействует извне и чем вызваны его ощущения. Он из себя выпрямляет весь свой мир опыта и создает его по законам собственного духа. К нему не может подступить ничего другого, ибо его организация создана так, как она создана. Таково кантовское учение, учение подтвержденное физиологией. Кант назвал его критическим идеализмом. А Шопенгауэр развил его в своей философии дальше: человек полагает, что над ним находится солнце и усыпанное звездами небо. Но это лишь его собственное представление. Вы сами создаете весь мир. А Эдуард фон Гартман назвал это наидостовернейшей из всех возможных истин. Ничто никогда не сможет поколебать этого положения. - Так утверждает западноевропейская философия. Она никогда не задумывалась над тем, как, в сущности, может возникнуть опыт. Лишь тот придерживается реализма, кто знает, как возникает опыт, и может затем перейти к истинному критическому идеализму. Воззрение Канта - это трансцендентальный

идеализм, который говорит, что ему ничего не известно ни об истинной действительности, ни о "вещи в себе", но только - о мире представлений. В сущности, он говорит: я должен извлечь мой мир представлений из чего-то неизвестного. - Это воззрение рассматривается как незыблемое.

Так ли уж незыблем этот трансцендентальный идеализм на самом деле? Так ли уж непознаваема эта "вещь в себе"? - Будь это так, то было бы совсем невозможно говорить ни о каком высшем опыте. Если бы "вещь в себе" была исключительно иллюзией, то мы не могли бы говорить ни о каких высших существах. Отсюда и упрек в адрес теософии: эти высшие существа, о которых вы говорите.

Каким образом следует углубить это понимание мы увидим в следующий раз.

ОСНОВЫ ТЕОСОФСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Берлин, 4 декабря 1903 г.

Я начал предшествующий доклад с замечания, что сторонникам современной, а точнее немецкой философии и в особенности сторонникам её теории познания довольно трудно найти доступ к теософскому мировоззрению; я заметил, что попытаюсь дать краткий очерк этого современного философского мировоззрения и показать, насколько трудно стать теософом тому, кто добросовестно следует этому направлению.

Теории познания, которые возникли из кантианства, заслуживают внимания и абсолютно верны. Но с их точки зрения невозможно понять, как человек может прийти к какому-то познанию существа, организованному иначе, чем он; как можно вообще что-то узнать о реальных существах. Рассмотрение кантианства показало нам, что это воззрение в итоге приходит к выводу, что весь окружающий нас мир есть лишь явление нас самих. Всё, что нас окружает, не есть действительность, но над этим царят законы нашего духа, законы, которые мы сами предписываем нашему окружению. Я сказал: как мы через цветные очки весь мир должны видеть в определенных цветовых оттенках, так и человек - согласно воззрению Канта - должен видеть мир окрашенным так, как он видит его согласно своей организации, независимо от того, какой на самом деле могла бы быть внешняя действительность. Таким образом, мы не можем говорить о "вещи в себе", но исключительно о совершенно субъективном мире явлений. Если это так, тогда всё, что меня окружает, - стол, стулья и так далее - есть представления моего духа; тогда все они существуют для меня постольку, поскольку я их воспринимаю, поскольку я согласно моим собственным законам наделяю эти восприятия формой, предписываю им законы. Я ничего не могу сказать о том, существует ли еще где-то помимо моих восприятий нечто от стола и стульев. Таковы последние выводы, к которым пришла кантовская философия.

Это, естественно, не согласуется с тем, что мы можем проникать в истинную суть вещей. Теософия неотделима от воззрения, что можно проникнуть не только в телесное бытие вещи, но и в её дух, что можно не только знать о том, что окружает нас телесно, но и иметь чисто духовный опыт. Зачитав одно место из книги, которая появилась незадолго до обоснования кантианства, я хочу показать вам, как представленное в ней мировоззрение, ставшее позднее кантианством, согласуется с тем, что сегодня называют теософией. Эта книга появилась в 1766 году. Таковую книгу - можно сказать это с уверенностью - мог бы написать теософ. В ней сказано, что человек связан не только с окружающими его мировыми телами, но когда-нибудь с полной определенностью будет доказано, что человек кроме телесного мира принадлежит и к духовному миру, и даже тот род и образ, которым он может быть с ним связан, может быть доказан научно. О многом здесь сказано настолько убедительно, что можно считать это более или менее доказанным или допустить, что будет доказано в будущем: "Я не знаю где или каким образом, но человеческая душа связана с другими душами, они действуют друг на друга и воспринимают другие воздействия, которые не осознаются человеком, пока всё идет своим чередом. " И затем: "Хотя есть не мало людей, у которых не может быть направляющих к другому миру идей, и поэтому весь их образ мыслей не ведет к духовному..." и так далее, человек со средними способностями к созерцанию не может осознать дух, но такая связь с духовным миром все же допускается. Кантовская теория познания несовместима с этим воззрением. И основы этого воззрения изложил не кто иной, как сам Иммануил Кант. Так, в самом Канте мы должны отметить переворот. Он написал это в 1766 году, а четырнадцать лет спустя обосновал ту теорию познания, которая не может найти путь к теософии. Наша современная философия опирается на кантианство, принявшее различные оттенки: от Гербарта и Шопенгауэра до Отто Либмана, Иоанна Фолькельта и Фридриха Ланге. Повсюду мы находим более или менее окрашенные кантианством теории познания, согласно которым мы имеем дело лишь с явлениями, с миром наших субъективных восприятий, а потому не можем проникнуть к сущности, к истокам "вещей в себе".

Сначала мне хотелось бы показать вам то, что возникло в течение 19 столетия и что можно назвать модификациями кантовской теории познания. Мне хотелось бы представить, как сформировалась современная теория познания, которая с некоторым высокомерием взирает на тех, кто полагает, что можно нечто знать. Мне хотелось бы показать, как образовались основы того гносеологического воззрения, способ представлений которого опирается на Канта. Вся наука, по-видимому, подтверждает кантовскую теорию познания. Она кажется настолько хорошо обоснованной, что от неё никуда не денешься. Сегодня мы рассмотрим её подробнее, а в следующий раз посмотрим, как в ней правильно ориентироваться.

Прежде всего даже физика будто бы учит нас, что действительность, в которую верит наивный человек,

совсем не является таковой. Возьмём звук. Вы знаете, что вне нашего органа слуха, который слышит звук, имеют место колебания воздуха. То, что происходит вне нас, есть сотрясение воздушных частиц. Лишь благодаря тому, что эти колебания достигают нашего уха и действуют на барабанную перепонку, это движение доходит до мозга. Здесь мы воспринимаем то, что называем звуком, звучанием. Весь мир был бы глух и безмолвен, и только благодаря тому, что внешнее движение воспринимается нашим органом слуха, а колебание преобразуется, мы переживаем то, что воспринимаем как мир звуков. Так гносеолог, не сомневаясь, говорит: звук есть лишь то, что существует в тебе, и если его устранить, то кроме движения воздуха ничего не останется.

То же самое можно сказать о встречающихся нам во внешнем мире красках и свете. Физик считает, что краски это колебания эфира, который наполняет мировое пространство. Точно так же, как воздух приводится в колебание звуком, а когда мы слышим звук, вне нас кроме движения воздуха ничего нет, так и свет есть лишь колеблющееся движение эфира. Но колебания эфира есть нечто иное, чем колебания воздуха. Эфир колеблется перпендикулярно направлению распространения волн. Это установлено экспериментальной физикой. Когда мы воспринимаем "красный" цвет, мы имеем дело с ощущением. В этом случае нам следует спросить себя: что же существует ещё, если нет воспринимающего глаза? - От красок в пространстве не должно быть ничего иного, кроме колеблющегося эфира. Цветовые качества творятся из мира, когда из мира сотворен воспринимающий орган зрения.

То, что мы видим как красное, суть колебания от 392 до 454 миллиардов в секунду, как фиолетовое - от 751 до 757 миллиардов. Эту частоту колебаний невозможно представить. Физика 19 века все ощущения красок и света преобразовала в колебания эфира. Не будь глаза, не было бы и всего мира красок. Всё было бы совершенно темным. Было бы невозможно говорить о цветовых качествах во внешнем пространстве. Это зашло настолько далеко, что, по словам Гельмгольца, ощущения красок и света, звука и тона имеют отношение только к нам. Это совсем не похоже на то, что происходит вне нас. Мы даже не можем назвать это образом того, что происходит вне нас. - То, что мы как свойство света называем красным, не имеет ничего общего с 420 миллиардами колебаний в секунду. Поэтому, считает Гельмгольц, в нашем сознании на самом деле присутствует не образ, но только знак.

Физическая наука утверждает, что пространство и время существуют постольку, поскольку я их воспринимаю. Следовательно, физик представляет себе, что восприятию цвета соответствует движение в пространстве. И с представлением времени дело обстоит точно так же, как и с моими восприятиями красного и фиолетового. То и другое суть субъективные процессы во мне. Они следуют друг за другом во времени. Колебания следуют друг за другом во внешнем мире. Физика не заходит здесь настолько далеко, как Кант. Но заполняют ли "вещи в себе" пространство, пребывают ли они в пространстве или следуют друг за другом во времени, - этого мы - согласно Канту - знать не можем, но знаем: мы организованы так-то и так-то, и поэтому то, что существует пространственно или не пространственно, всегда должно принимать пространственную форму. Мы распространяем над этим эту форму. Для физики колеблющиеся движения должны происходить в пространстве, должны требовать определенного времени. Эфир колеблется, скажем, со скоростью 480 миллиардов вибраций в секунду. В этом уже заключено представление о пространстве и времени. Следовательно, пространство и время принимаются физиком как находящиеся вне нас. Но всё прочее есть лишь представление, лишь субъективное. В работах физиков вы можете прочесть, что для тех, кому стало ясно, что происходит во внешнем мире, не существует ничего кроме колебаний воздуха, колебаний эфира. Физика способствовала формированию воззрения, что всё, что мы переживаем, существует только в нашем сознании, а вне его ничего нет.

Второе, что может представить нам наука 19 столетия, это доводы физиологии. Известный физиолог Иоанн Мюллер открыл закон специфической энергии чувств. Согласно этому закону каждый орган реагирует на определенное ощущение. Если вы касаетесь глаза, то воспринимаете световое явление; то же самое происходит и при электрическом разряде. Глаз на каждое воздействие извне отвечает так, как положено глазу. Изнутри наружу действует сила, которая соответствует особенностям этого света и краски. Если проникают свет и эфир, то глаз отвечает световыми и красочными раздражениями.

Физиология приводит и дальнейшие доводы для обоснования субъективистского воззрения. Допустим, мы имеем осязательные ощущения. Здесь наивный человек полагает, что он воспринимает непосредственно сам предмет. Но что он воспринимает в действительности? - спросит гносеолог. То, что находится передо мною, есть не что иное, как соединение мельчайших частиц. Они движутся. Движение отдельных частиц не может быть воспринято чувствами, поскольку колебания слишком малы. В сущности, я не могу воспринимать ничего иного, кроме колебаний, ибо само тело не может в меня проникнуть. Что же происходит, когда вы рукой касаетесь тела? Рука совершает движение. Оно передается нервам, а те преобразуют его в то, что вы переживаете как ощущение: в тепло и холод, мягкое и твердое. Во внешнем мире происходит движение, и когда оно доходит до моего осязания, соответствующий орган преобразует это в тепло или холод, в мягкое или твердое.

Мы не можем воспринимать даже то, что происходит между нами и головой, ибо самый внешний кожный покров невосприимчив. Эпидермис никогда бы ничего не воспринял, если бы под ним не было соответствующего нерва. Между вещью и телом всегда находится эпидермис. Следовательно, раздражение действует через эпидермис с относительно значительного расстояния. Воспринято может быть лишь то, что возбуждается в

вашем нерве. Поверхность тела полностью остается вне процесса движения. Вы отделены от вещи, и в действительности воспринимаете то, что происходит в эпидермисе. Всё, что реально может проникнуть в ваше сознание, происходит в области тела, так что еще и это отделяет ваше сознание от эпидермиса. Значит, согласно этим физиологическим соображениям, можно было бы сказать, что нам недоступно то, что происходит во внешнем мире, но только процессы в самих наших нервах, которые достигают мозга и возбуждают нас посредством совершенно неизвестных внешних процессов. Вы никогда не сможете выйти за пределы вашего кожного покрова. Вы ограничены своей кожей и не воспринимаете ничего, кроме того, что в ней происходит.

Перейдем к другому органу чувств, к глазу. Перейдем от физики к физиологии. Вы видите, что колебания распространяются; они должны сначала проникнуть в наше тело. Прежде всего глаз состоит из кожи, роговой оболочки. За ней находится линза, за линзой - стекловидное тело. Далее находится то, что покрыто сетчаткой. Если вы удалите сетчатку, то глаз никогда не преобразует нечто в свет. Когда вы получаете форму предмета, то лучи должны сначала проникнуть в наш глаз и начертать внутри глаза на сетчатке небольшой образ. Это последнее, что может вызвать ощущение. То, что находится перед сетчаткой, нечувствительно. Мы не имеем ни малейшего представления о том, что там фактически происходит. Представьте себе, что здесь происходит химическое изменение пурпура. Воздействие, исходящее от внешнего предмета, должно пройти линзу и стекловидное тело, тогда в сетчатке вызывается химическое изменение, что и будет ощущением. Затем глаз снова проецирует образ вовне, соединяет с раздражением, которое воспринимает, и опять посылает его во внешний мир. В нашем глазу имеют место химические процессы, а не то, что вызывает раздражение. Физиология постоянно предоставляет гносеологии новые доказательства. По-видимому, нам придется полностью согласиться со словами Шопенгауэра, что мы сами творим звездное небо, которое есть преобразованное раздражение; о "вещи в себе" мы не можем знать ничего.

Вы видите, что эта теория познания ограничивает человека исключительно теми вещами, скажем, представлениями, которые создаёт его сознание. Он замкнут в своём сознании. Он может полагать, если захочет, что в мире есть нечто, что вызывает в нем впечатления. Но в любом случае он не может в это проникнуть. Всё, что он ощущает, создается им самим. Мы никогда не узнаем того, что происходит на периферии. Возьмите раздражение зрительного пурпура. Оно должно передаться нерву и опять каким-то образом должно преобразоваться в собственно ощущение, так что весь окружающий нас мир был бы миром, который мы творили бы из своего внутреннего.

Таковы физиологические доказательства, которые приводят нас к выводу, что это происходит именно так. Но теперь могут спросить: но как же мы допускаем бытие других людей, о которых мы узнаём лишь из восприятия того впечатления, которое мы от них получаем. Когда передо мной находится человек, то в качестве возбуждения я имею лишь колебания и затем образ моего собственного сознания. А само существование чего-то подобного человеку - не более чем допущение. Так современная теория познания подтверждает свое воззрение, что содержание внешнего опыта имеет исключительно субъективную природу. Она говорит: то, что воспринимается, есть исключительно содержание собственного сознания и изменение этого содержания. Вопрос о существовании вещи в себе лежит вне нашего опыта. Мир для меня - субъективное, явление, и строится он сознательно или бессознательно из моих ощущений. Вопрос о существовании других миров находится вне области моей способности познания.

Когда я говорю, что вопрос о существовании другого мира лежит вне области моей способности познания, то вопрос о существовании другого человека с его сознанием также лежит вне этой области, ибо ничего от сознания одного человека не проникает в сознание другого. В моё сознание не может войти ничего из мира представлений и из сознания другого человека. Такова точка зрения тех, кто более или менее придерживается кантовской теории познания.

Кант обобщил эту теорию познанию в следующих словах: сто возможных талеров содержат не меньше, чем сто настоящих, то есть: я не могу рассматривать какой-либо предмет как действительный, потому что я чем-то дополняю представление. Представление дает только образ. Если предмет находится здесь, то он должен идти мне навстречу, и я охватываю его законами, которые образую из самого себя. Это воззрение в несколько ином виде разделял Шопенгауэр.

Иоанн Готлиб Фихте в пору своей молодости тоже разделял это воззрение. Он последовательно продумал теорию Канта. Наверное нет более лучшего ее описания, чем то, которое он дал в своей работе "О назначении человека". В ней он говорит: нигде нет ничего постоянного, ни вне меня, ни во мне; существует одна непрерывная смена. Я нигде не вижу бытия и не знаю даже своего собственного. Я сам не знаю и не существую. Существуют образы, они - единственное, что существует, и они осознают себя по- своему;... образы, проплывающие мимо, при чем не существует того, перед чем они проплывают; соединенные посредством образа образы. Ничего в себе не отражающие образы, образы, без значения и цели. Я сам один из таких образов; я даже не образ, а лишь неясный образ этих образов.

Действительно, если вы придерживаясь того, что в своем субъективном восприятии вы имеете дело только с образами собственного сознания, то неизбежно приходите к воззрению, что о себе самом знаете не больше, чем о внешнем мире. Если вы переходите к восприятию собственного Я, то получаете от него не больше, чем от

внешнего мира. Если вы полностью придерживаетесь этого образа мыслей, то вам станет ясно, что внешний мир превращается для вас в совокупность призрачных образов, что даже внутренний мир становится не более чем суммой соединенных друг с другом субъективных иллюзий. И если вы верно истолкуете это воззрение, то уже извне, я сказал бы, со стороны телесности, вы можете представить, что даже вы сами, подобно внешнему миру, являетесь ничем иным, как своего рода призрачным образом, своего рода иллюзией.

Посмотрите на свою руку, которая преобразует ваше движение в осязательное ощущение. Эта рука есть не что иное, как образ моего субъективного сознания; и всё моё тело и то, что во мне, есть не что иное, как образ моего субъективного сознания. Или, например, мой мозг. Если бы я исследовал под микроскопом, как возникают в нём ощущения, то не увидел бы ничего кроме объекта, который в моем сознании я опять должен преобразовать в образ. Представление Я есть одно из таких представлений, оно производится как и любое другое. Мимо меня проходят иллюзии, проходят сновидения - таково мировоззрение иллюзионизма, в котором с неизбежностью проявляются последние выводы кантианства. Кант стремился преодолеть догматическую философию, он стремился преодолеть то, что было дано Вольфом и его последователями. Он считал это сводом химер.

Доказательства свободы воли, бессмертия души и бытия Бога, - эти доказательства Кант разоблачил как игру воображения. А что же он предоставил в качестве доказательств? Он доказал, что мы ничего не можем знать о "вещи в себе", что нам доступно лишь содержание нашего сознания, что Бог должен быть "чем-то в себе". Так, согласно Канту, мы не можем с достоверностью доказать бытие Бога. Наш рассудок, наш разум применимы лишь к тому, что дается в восприятии. Назначение разума - предписывать законы восприятиям, а потому такие вещи, как: Бог, душа, свобода - совсем недоступны познанию нашего разума. Разум имеет границы, которые преодолеть невозможно.

В предисловии ко второму изданию "Критики чистого разума" он пишет: "Я должен упразднить знание, чтобы освободить место вере". К этому он, в сущности, и стремился. Он хотел ограничить знание чувственным восприятием и постигнуть другим образом то, что недоступно разуму. Он хотел достигнуть этого на пути моральной веры. Знанию вообще недоступно объективное бытие вещей. Но мы находим в себе категорический императив, который возникает в нас с безусловной необходимостью. - Кант назвал его божественным голосом. Он возвышается над вещами, он несет с собой безусловную моральную необходимость. Отсюда Кант подходит к тому, чтобы опять вернуть вере то, в чем он отказал знанию. Поскольку категорический императив никоим образом не обусловлен чувственным воздействием, но возникает в нас, то должно иметь место нечто, что обуславливает как чувство, так и категорический императив, и что возникает, когда исполнены все требования категорического императива. Этим достигалось бы блаженство. Но никто из людей не может преодолеть пропасть, разделяющую то и другое. А поскольку это невозможно, то следует признать божественное Существо. Так мы приходим к понятию Бога, которое никогда не может быть найдено чувственным образом.

Должно быть достигнуто созвучие между чувственным миром и моральным миром разума. Сколько бы не сделано в жизни, все же не следует полагать, что этого достаточно для земной жизни в целом. Человеческая жизнь выходит за пределы земной жизни, ибо этого требует категорический императив. И таким образом мы должны принять божественный миропорядок. А мог бы человек следовать божественному миропорядку, категорическому императиву, не обладая он свободой воли? - Так Кант упразднил знание, чтобы посредством веры достигнуть высших вещей духа. Мы должны верить! На путях практического разума он опять пытается обосновать то, в чем отказано теоретическому разуму.

На эту кантовскую философию опираются даже те мировоззрения, которые, на первый взгляд, далеки от неё. Опирается даже такой философ, как Герbart, оказавший большое влияние на педагогику. Из кантовской критики разума он развивает собственное мировоззрение: если мы посмотрим на мир, то столкнемся с противоречиями. Посмотрите на собственное Я. Сегодня оно имеет одни представления, завтра - другие, послезавтра - третьи. Что же представляет собой это Я? Оно возникает перед нами и наполняется миром определенных представлений. В следующий момент оно является нам с миром других представлений. Мы имеем здесь становление, множество свойств, и тем не менее оно должно быть единым. Оно есть единство и множество. Каждая вещь - это противоречие. Таким образом, утверждает Герbart, всюду в мире существуют лишь противоречия. Прежде всего мы должны придерживаться положения, что противоречие не может обладать истинным бытием. Отсюда Герbart выводит задачу своей философии. Он говорит: мы должны устранить противоречия, должны построить себе непротиворечивый мир. Мир опыта - мир противоречий, недействительный мир. Истинный смысл, истинное бытие он видит в преобразовании полного противоречий мира в мир без противоречий. Он говорит: усматривая противоречия, мы находим путь к "вещи в себе"; и когда мы устраняем их из себя, мы достигаем истинного бытия, истинной реальности. - Но с Кантом он согласен в одном: весь окружающий нас внешний мир является лишь иллюзией. Он пытается обосновать другим образом также то, что для человека должно быть весьма ценным.

А сейчас перейдем к сути дела. Мы не можем отрицать того, что все моральные поступки имеют значение лишь тогда, когда они могут быть восприняты в мире реальной действительности. Какое значение могут иметь моральные поступки, если мы живем в мире иллюзий? Ибо вы никогда не убедитесь в том, что ваши поступки реальны. Тогда, в сущности, все ваше моральное становление и все ваши цели повиснут в воздухе. Это один из

удивительных выводов Фихте. Позднее он изменил свои взгляды и пришел к чистой теософии. Посредством восприятия - так говорит он - мы ничего не узнаем, кроме сновидений об этих сновидениях. Но что-то побуждает нас желать добра. Это позволяет нам на мгновение заглянуть в этот большой мир сновидений. В этом мире сновидений он усматривает исполнение нравственных законов. Посредством требований нравственных законов должно быть обоснованно то, чему не научит разум. - И Герbart говорит: так как всё, что мы воспринимаем, крайне противоречиво, мы никогда не сможем прийти к нормам наших нравственных поступков. Поэтому нормы для наших нравственных поступков должно давать То, что возвышается над всеми суждениями со стороны разума и рассудка. Нравственное совершенство, благожелательность, внутренняя свобода - независимы от деятельности разума. Так как в нашем мире всё видимость, мы должны иметь нечто, что избавило бы нас от размышлений.

Такова первая фаза развития 19 столетия: превращение истины в мир грёз. Грезящий идеализм должен был прийти к размышлению о бытии, но пришёл к обоснованию морального мировоззрения, которое независимо от всякого знания и познания. Он хотел ограничить знание, чтобы освободить место вере. Поэтому немецкая философия порвала с древней традицией тех мировоззрений, которые мы называем теософскими. Тот, кто считает себя теософом, никогда не принял бы этого дуализма, разделения морального мира и мира иллюзорного. Для него это всегда было единством - от мельчайшего атома до высочайшей духовной действительности. Ибо то, что с желанием или без него совершает животное, лишь по степени отличается от того, что совершается на вершинах духовной жизни из самых чистейших побуждений, а то, что происходит внизу, лишь по степени отличается от того, что происходит наверху. От этого единого пути цельного знания и цельного созерцания отказался Кант, разделив мир на познаваемый, но иллюзорный, и моральный, имеющий совсем другие истоки. Этим он безмерно затмил взор. От последствий кантовской философии страдают те, кто не может найти пути к теософии.

В конце вы увидите, как из истинной теории познания возникает теософия; но сначала необходимо было показать прочное на первый взгляд здание науки. Кажется, что исследования неопровержимо доказали обусловленность восприятия зеленого или синего колебаниями эфира, а восприятие звука колебаниями воздуха. Содержание следующего доклада покажет, как обстоит с этим дело в действительности.

ОСНОВЫ ТЕОСОФСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Берлин, 17 декабря 1903 г.

В предшествующих докладах я пытался дать в общих чертах основные идеи современной теории познания, которая преподаётся в наших университетах, а также развивается теми философами и мыслящими исследователями, которые опираются на Шопенгауэра, Канта и им подобных великих немецких мыслителей. Наряду с этим я хотел показать, как всем развитием науки 19 столетия, будь это физика, физиология и даже психология, была принята и признана верной, по сути дела, кантовская теория познания или её модификации, разработанные Шопенгауэром и Эдуардом фон Гартманом. Этим мы показали, что та теория познания, которую мы назвали иллюзионизмом и которая указывает исключительно на наше собственное сознание и делает весь мир миром наших представлений, кажется единственно верной. Это кажется настолько убедительным, что всякое сомнение в положении: мир есть мое представление воспринимается сегодня как философски незрелое.

Теперь же позвольте мне говорить о духовном, так как я привел вам почти все причины, которые привели к этой иллюзионистической теории познания. Я показал вам причины, которые привели к выводу: мир есть наше представление - я показал вам, как рассмотрением ощущений с точки зрения физиологии уничтожается всё, что нас окружает, будь это мир тепловых ощущений, осязательных и так далее. Эти наблюдения, представления и понятия являются последними доводами в пользу того, как из души человека порождается нечто как бы произведённое им самим. Научные выводы, которые пытаются это всесторонне обосновать, отвечают учению Шопенгауэра: мир есть наше представление – согласно которому нет неба, но только глаз, который его видит, нет звука, но только ухо, которое его слышит.

Вы, вероятно, полагаете, что я намерен опровергать эти различные гносеологические точки зрения. Я показал, к чему они ведут, но вам не следует воспринимать это как опровержение. Теософ не признаёт опровержений. Он не признаёт того, что называется в философии - стоять на одной точке зрения. Кто придерживается одной философской системы, тот полагает, что она будто бы безусловно верна. Так с этой точки зрения мы видим борьбу Шопенгауэра, Гартмана, последователей Гегеля и Канта. Но теософ не будет принимать участия в этой борьбе. Он смотрит на это иначе. В более широком смысле для него не существует противоречий и между различными религиями, ибо он понимает, что в их основе заложено зерно истины, что спор буддистов, магометан и христиан не оправдан. Теософ также знает, что в каждой философской системе заложено зерно познания, что каждой эпохе соответствует определенная форма человеческого познания. Не может быть и речи об опровержении Канта или Шопенгауэра. Кто искренне ищет, тот может заблуждаться, но не стоит опровергать его первому встречному. Следует понять, что все эти умы со своей точки зрения стремились К истине, и что мы каждой философской системе найдём зерно истины. Также не может быть и речи о том, кто прав, а кто нет. Кто упрямо стоит лишь на своей точке зрения, а затем сравнивает друг с другом другие и говорит, что может

признать только ту или эту, тот в отношении философского познания занимает такую же позицию, что и филателист. Познающий не сразу достигает высшей ступени познания. Мы все находимся на той или иной ступени лестницы развития. Даже наивысшая ступень не является абсолютной по сравнению с мировым духом, с истиной. И если мы достигли более высокой ступени познания, то даже тогда наши суждения относительно и должны постоянно расширяться, если, конечно, мы хотим достигнуть еще более высокой.

Если мы, усвоив основы теософии, говорим о каком-либо философе, то проявим самонадеянность, не попытавшись в виде опыта встать на его точку зрения и доказать истинность его мыслей точно так же, как и он сам. Можно постоянно ошибаться, но нельзя подобно софистам занимать позицию, отрицающую возможность видеть другую точку зрения. Я приведу вам доказательство из европейской духовной жизни, что можно относиться к этому так, как я вам сейчас охарактеризовал.

В шестидесятых годах забрезжила утренняя заря дарвинизма, и он сразу же был истолкован материалистически. Материалистическое толкование односторонне. Но те, которые так толковали, считали себя непогрешимыми; материалисты шестидесятых считали свои выводы безошибочными. Затем появилась "Философия бессознательного" Эдуарда фон Гартмана. Я не буду её защищать. Она по-своему односторонняя, но тем не менее я признаю, что её точка зрения гораздо выше точки зрения Фогта, Геккеля и Бюхнера. Поэтому материалисты приняли её за реанимацию идей Шопенгауэра. Затем появилась новая книга с убедительными доводами, опровергающими "Философию бессознательного". Полагали, что её мог написать лишь один из естествоиспытателей. "Он назовёт себя, - писал Геккель - и мы узнаем в нем одного из нас". Затем появилось второе издание - и автор назвал себя: им оказался сам Эдуард фон Гартман. Он показал, что полностью может разделять точку зрения естествоиспытателя. Поставь он своё имя сразу, книга не достигла бы своей цели. Вы видите, что занимающий более высокую точку зрения может встать на более низкую, и сам привести всё, что приводится против этой высшей точки зрения. Поэтому никому не следует самонадеянно судить, особенно с теософской точки зрения, о какой-либо философской системе, пока им не осознана необходимость постигнуть, эту философскую систему изнутри.

Поэтому не может быть и речи об опровержении последователей Канта или Шопенгауэра. Мы должны излечиться от этой детской болезни опровержений. Мы должны показать, как они сами преодолевают свою ограниченность, если мы доберемся до их истинной сути. Поэтому в виде эксперимента встанем снова на точку зрения субъективистской теории познания, основное положение которой гласит: мир есть мое представление. - Она хочет преодолеть наивный реализм, согласно которому всё находящееся перед нами действительно, тогда как гносеолог считает, что всё окружающее нас есть не что иное, как наше представление.

Придерживаясь точки зрения этой теории познания, было бы невозможно заложить фундамент для построения теософского жизневоззрения. Мы знаем, что наши познания о мире не являются только нашими представлениями. Будь они лишь субъективными образами нашего Я, мы не могли бы выйти за их пределы. Мы не могли бы судить об истинном значении того, что познаём. Мы никогда бы не могли в теософском мировоззрении рассматривать сущность вещей, но лишь субъективный образ нашего Я. Благодаря этому мы постоянно указывали бы на наше Я. Мы не могли бы сказать, что нам приходят вести из высшего мира, если бы то, что мы извлекаем из глубины жизни наших представлений, имело бы отношение только к нам, - но только тогда, когда мы в нашем субъективном мире имеем также манифестации истинного и реального мира. На этом основывается то, что мы должны представлять как теософию. Поэтому теософа никогда не удовлетворит положение: мир есть моё представление.

Даже у Шопенгауэра мы можем найти другое положение, возвышающееся над тезисом: Мир есть моё представление. Шопенгауэр высказал и другое, дополняющее первое, положение: мир есть воля. - Шопенгауэр пришел к нему так же, как и теософ. Он сказал: всё звездное небо - лишь моё представление, но моё собственное бытие, я познаю не как представление. Я совершаю поступки, я действую, я волю - это является силой в мире, в котором есть я, а он во мне, так что в основе моего знания о самом себе лежит моё представление. Пусть всё окружающее меня будет представлением, сам же я есть моя воля. - Тем самым Шопенгауэр пытался обрести точку опоры, которой по-настоящему так и не обрел. Ибо это положение уничтожает само себя, нужно лишь продумать его до логического конца, чтобы убедиться, что оно представляет собой то, что математики называют доведением до нелепости [Reductio ad absurdum].

Ни один кирпичик нельзя извлечь из того здания, которое воздвиг Шопенгауэр. Если мы имеем осязательные ощущения, ощущения тепла и холода, мы знаем, что имеем лишь представления нашего Я. Будем же последовательны. Как мы узнаём о самих себе? Мы не видим реальных красок, но лишь знаем, что есть глаз, который их видит. Но откуда мы знаем, что глаз видит, что есть рука, которая осязает? Лишь благодаря тому, что мы их воспринимаем, как воспринимаем другие вещи и чувственные ощущения, если хотим познать мир. Даже наше самопознание подчиняется тем же законам и правилам, которым подчиняется внешний мир. И если истиной является то, что мир есть моё представление, то истиной должно быть и то, что сам я со всем, что есть во мне, являюсь моим представлением. Тем самым мы, а также вся шопенгауэровская философия, начинаем рассматривать весь мыслимый субъективный и объективный мир как представление. Уясните себе, что только такими могут быть истинные и честные выводы философии Шопенгауэра. Но тогда мы должны также признать

лишь представлением всё, что он относит и к самому себе. Это приводит нас к тому, что математик называет доведением до нелепости, попыткой поднять себя за собственные волосы. Мы полностью повисаем в воздухе. У нас нет больше точки опоры. Мы опровергли наивный реализм, но одновременно показали, что это привело нас к нигилизму. Если эти выводы ведут к абсурду, значит надо искать другую точку опоры.

Шопенгауэр сделал это сам. Он сказал: если я хочу прийти к реальности, мне нельзя задерживаться на представлении, но нужно обратиться к воле. Тем самым Шопенгауэр перешел к реализму, хотя и другим способом, чем Герbart. Герbart сказал: действительность следует искать в отсутствии противоречий. - Поэтому он выдвинул множество своих реалий. Выдвинул свои реалии и Шопенгауэр.

Ведь на самом деле правда, что окружающий меня мир есть видимость. Но как дым указывает на огонь, так и эта видимость указывает на лежащее в ее основе бытие. Герbart, как и Лейбниц, пытался решить эту проблему на путях монадологии, окрашенной, разумеется, кантианством. Лейбниц жил до Канта и был свободен от его влияния. Шопенгауэр занял следующую позицию: Я знаю сам себя как волящего. Эта воля к бытию гарантирует мне моё существование. Я есть воля и проявляю себя в мире как представление. А так как я есть воля и проявляю себя, то так же обстоит дело и с прочими вещами, и они проявляются внешне. Как я сокрыт в себе, так сокрыта во мне и воля, а во внешних вещах сокрыта воля этих вещей. Так Шопенгауэр показал путь к самопознанию не совсем явно признав, что по-настоящему познать вещи можно лишь проникнув в их суть.

Безусловно, если наивный реализм прав, что находящиеся вне нас вещи не имеют к нашему Я никакого отношения, что лишь посредством наших представлений мы получаем вести о находящихся вне нас вещах, от сущности которых мы отделены, то от Шопенгауэра никуда не денешься. По меньшей мере оправдывается его второе положение: мир есть моя воля.

Это можно объяснить с помощью сравнения. Представьте себе печать и её оттиск. "Вещь в себе" - это печать, представление – её оттиск. От субстанции печати на оттиск ничего не переходит. Оттиск, представление, совершенно субъективен. Во мне нет ничего от "вещи в себе", так как сама печать никогда не переходит в субстанцию оттиска. В этом заключается основная мысль субъективистского воззрения. Но Шопенгауэр говорит: я могу познавать вещи лишь благодаря тому, что я нахожусь в них. - Это говорит и Юлиус Бауман, который даже разделял учение об инкарнации, хотя и не был теософом. Этот образ мыслей Юлиус Бауман применил к обоснованию теории познания. Хотя его мышление и делает элементарные ошибки, но он уже нашел выход.

Фактически нет никакой другой возможности познать вещь, как проникнув в неё. А это было бы невозможно, если бы вещь находилась вне нас, а мы получали бы от неё лишь вести, ибо в нас от неё ничего не может проникнуть. Но проникнув в вещь сами, мы могли бы познать её сущность. Для современных гносеологов эта мысль кажется самой абсурдной. Но так только кажется. Она кажется такой, разумеется, лишь западноевропейской теории познания. Но она казалась такой не всегда, и прежде всего тем, чей ум не затуманен основными принципами этой теории познания.

Но есть другая возможность: может быть фактически мы никогда и не выходили из вещей. Может быть мы никогда не воздвигали той непреодолимой стены, не вырывали той непроходимой пропасти, которая, согласно Канту, полностью отделяет нас от вещей. Тогда мы подходим к мысли, что мы можем быть в вещах. И это - основная мысль теософии. Согласно этой мысли наше Я не принадлежит нам, не заключено в непреступную крепость, как это показывает нам наша организация, но отдельный человек есть лишь явление Божественного мирового. Он как бы лишь отражение, эманация, искра всеобщего мирового Я. До появления кантовской философии эта идея владела умами в течение столетий. Великие умы мыслили не иначе, как в этом духе.

Иоанн Кеплер объяснил нам строение планетной системы и постиг мысль, что планеты вращаются вокруг Солнца по эллиптическим орбитам. Посредством этой мысли мы достигаем прозрения в сущность космоса. Чтобы вы поняли, как он чувствовал, я мог бы привести его слова: "Несколько лет назад мне явились первые проблески зари, несколько недель назад настал день, а несколько часов назад взошло солнце. Я написал книгу. Кто прочтет эту книгу и поймёт, согласится со мной, а другие - до них мне нет дела. " Эту мысль долго ждали, пока она вновь не вспыхнула в голове человека Из такого познания говорится: то, что заключено в нашем духе и что мы узнаём о мире, суть то же самое, что порождено миром; планеты описывают эллиптические орбиты не случайно, но направляются к этому самим творящим Духом; мы не статисты, которые производят мысли о вселенной лишь для себя, но содержание нашего духа действует творчески вовне. Поэтому Кеплер был убежден в том, что для основных мыслей о космическом универсуме, которые он произвёл, сам он был лишь ареной, на которой появлялись, чтобы вновь быть познанными, живущие в этой вселенной и пронизывающие её мысли.

Кеплеру никогда не пришло бы в голову утверждать, что его познания о вселенной являются лишь его представлениями, но он сказал бы: то, что я узнал, свидетельствует о том, что действительно происходит во внешнем пространстве. Если бы Кеплеру сказали, что это лишь представления, но объективно во внешнем этого нет, то он спросил бы: ты действительно веришь, что то, что приносит мне известие о другом, существует лишь тогда, когда я воспринимаю эту весть? - Кто стоит на почве субъективистской теории познания, тот при разговоре по телефону, чтобы быть последовательным, должен был бы сказать: господин в Гамбурге, который мне сейчас звонит, есть лишь моё представление; я воспринимаю его лишь как моё представление.

Таким образом этот ход мыслей приводит нас к вопросу: как возможно действительно признать принцип,

согласно которому мы познаем сущность лишь тогда, когда проникаем в сущность самой вещи, когда мы можем идентифицировать себя с сущностью? Это теория познания тех, кто в противоположность современному воззрению стремится к более глубокой и более ясной точки зрения.

Гамерлинг написал хорошую книгу: "Атомистика воли". Он серьезный мыслитель, и у него есть серьезные мысли. Хотя его мысли и окрашены влиянием Шопенгауэра, но они стремятся дойти до сути вещей. Гамерлинг говорит: Одно безусловно верно: никто не будет отрицать своё собственное бытие, ни один человек не согласится, что сам он обладает лишь мыслимым бытием, что его бытие прекращается, как только он перестает думать. А Шиллер однажды заметил: Декарт утверждает: я мыслю, следовательно существую. - Но я давно уже не мылил, и тем не менее еще существую.

Гамерлинг пытается вновь обратиться к такому же образу мыслей, что и Шопенгауэр: я должен признать за всеми прочими существами и чувство бытия. Для него Я и атом являются двумя полюсами. - Но этого все же недостаточно, даже для книги Гамерлинга. Пытаясь избежать иллюзионизма, он развивает следующее: Мы можем осуществить лишь то бытие, в котором пребываем сами. - Он пытается обосновать это с незаурядным остроумием. Фехнер же на место чувства бытия ставит чувство вообще. Герbart - так говорит он - ошибся бы, пожелай он с помощью чистого мышления прийти к реальности. Но благодаря этому мы не приходим к Я лишь из себя. Таким образом невозможно прийти к объективному суждению. Это возможно лишь тогда, когда своё мышление обо мне и мире я могу сделать как бы судьей, когда оно есть нечто выходящее за пределы меня самого.

Даже незначительное самонаблюдение покажет вам, что ваше мышление есть нечто возвышающееся над вами. Неправда, что оно лишь видимость, только явление, что все, имеющие безусловное значение истины, такие как: дважды два равно четырем - имеют это значение лишь в вашем сознании. Вы познаёте их безусловную объективность, которая возвышается над их значимостью для вас, вы признаёте их действительность. К вашему Я не имеет отношения то, что дважды два - четыре. Ваше Я не имеет никакого отношения к сфере мудрости. Так как вы можете подниматься к объективному, опирающемуся на себя мышлению, то можете также выносить объективное суждение о мире. Каждый мыслитель исходит из этого положения, иначе он вообще не мог бы приступить к размышлению о мире. И если бы имелись только две мысли: Я в мире, - и: мир во мне, - то невозможно было бы обосновать ни мировоззрение Канта, ни мировоззрение Шопенгауэра. Вам следует согласиться, что вы имеете право выносить суждение об истине. Ибо в нашем мышлении есть нечто такое, что выходит за пределы нашего Я. Это признавали все философы, которые не пленились кантианством, которые мыслят монадологически непредвзято. Все, которые таким образом мыслили об истинных реалиях мира, мыслили о них как о духовных. Они мыслили их духовно. Вернёмся к Джордано Бруно, к Лейбницу, к тем, кто пытался придать этим реалиям их свойства, вы найдёте, что они мыслили монадологически, они признавали мышление как исходящее из подоснов, из духа. Но если дух есть суть вещей, то по отношению к этому воззрению даже теории. Напротив, Я поднимается из подоснов чувства. Он, подобно Шопенгауэру, мог бы написать: мир как чувство и представление. Гамерлинг написал бы: Мир как атом, воля и представление. - У Фрохшаммера фантазия, как воля у Шопенгауэра, созидает мир и гарантирует собственное бытие. Всю внешнюю природу он пытается представить как порождение фантазии. Все они стремятся избавиться от абсурда кантовской философии.

Теперь необходим очень тонкий ход мысли, но каждый, кто хочет участвовать в обсуждении, должен сделать это: благодаря чему мы вообще можем задать вопрос - что такое наше незнание? На каком основании мы утверждаем, что мир, воли, фантазия и так далее есть наше представление? Что-то должно дать нам возможность и способность самим связывать с миром наши возможности познания. и представления.

Представьте себе противоположность Я и остального мира, то есть вы должны сказать, как вы познаете своё Я и остальной мир. Возьмём две противоположности: обвинителя и адвоката. Первый выносит суждение с одной точки зрения, второй - с другой. Ни один из них не может вынести вполне объективного суждения. Объективное суждение может вынести лишь стоящий над ними судья. Представьте себя, что оба приводят доводы, а судья взвешивает степень их объективности. Один никогда не сможет вынести решение, так же как и Я не сможет одно вынести решение о своей связи с миром. Отдельное Я субъективно и никогда не могло бы вынести решение о своём отношении к миру. Никогда не была бы возможна теория познания, если бы с одной стороны было только Я, а с другой - мир. Я в моем мышлении должно занять объективную точку зрения и тем самым подняться над собою и миром. Это было бы невозможно, останься Я в своем мышлении, как это невозможно для мышления последователей Канта и Шопенгауэра. Представьте себе, как Кант сидит за письменным столом и выносит суждение познания Канта и Шопенгауэра стоят на позиции наивного реализма.

Я возвращаюсь к моему сравнению. Подумайте, ведь от субстанции печати на отпечаток ничего не переходит, но переходит надпись, стоящее на печати ваше имя, дух. Тогда вы, возможно, согласитесь, что от субстанции ничего не переходит, но переходит стоящее на печати ваше имя, которое пришло из мира духа. Оно перешло, невзирая на все преграды, которые мы воздвигли. Тогда не следует отрицать, что теория познания Шопенгауэра частично права - но мы преодолели преграду. Оставьте все материалистические доводы. Согласитесь, что в отпечаток от субстанции печати ничего не переходит, но переходит дух, ибо он входит в нас в своём истинном

облике, поскольку мы в истине исходим из духа. Мы искры этого мирового духа, а потому живем в нем и вновь познаём его. Когда мировой дух стучится в наши органы слуха и зрения, мы совершенно точно знаем, что это не просто наше субъективное ощущение, но мы смотрим - что находится там, вовне. Так мы уяснили себе, что дух вовне ищет посредника, которого мы признаём как посредника духа. Когда установлено, чем является мировой дух в своей истинной сути, то мы можем полностью встать на ту точку зрения, которая принимает Канта и Шопенгауэра. Они правы, но останавливаются на полпути. Легко ориентироваться на Канта и Шопенгауэра. Но нужно идти дальше, ибо верно то, что именно дух живёт во всех вещах и настойчиво взывает к нам, предлагая свою сущность. Так в теософском смысле оказывается правильным то, что требовал Бауман для действительного познания вещей, а именно: мы должны находиться в сущности вещи. Мы действительно должны пребывать в мировом духе и быть лишь той же самой сущностью.

Сегодня я облек в образы основные идеи этой философии. Дальнейшее развитие этой темы, а также и противоположные точки зрения, вы найдете в моей "Философии свободы". Я рассказал, что Кант, Шопенгауэр и неокантианцы разделяют точку зрения, согласно которой мы не можем выйти за пределы представлений; что они преодолели наивный реализм лишь наполовину. Но, исходя из "вещи в себе" и показывая, что невозможно выйти из себя, они тем не менее придерживаются еще наивного реализма, поскольку ищут истину в вещественности. И все современные гносеологи, даже если они твердо уверены, что преодолели наивный реализм, опираются тем не менее одной ногой на него, так как по-прежнему пытаются обосновывать всё в материальном.

Лишь теософия может привести нас к вратам познания. Стремление найти объект познания приводит нас к признанию того, что истинной основой мира является дух. С того мгновения, как только мы вошли в эти врата, начинается путь духа. В основе всего мира лежит дух.

Я хочу ещё раз вкратце изложить вышесказанное. Человек несомненно является отпечатком мира. Но его сущность находится не в материальном. И мы можем познать эту сущность в каждое мгновение, ибо она заключена в духе. Дух изливается в материю, изливается в нас, как имя, которое стоит на печати, переходит на отгиск. Надеюсь, я показал, что можно разделять и точку зрения университетской философии, только она должна быть понята лучше, чем понимает её сама университетская философия. Тогда каждый найдет с нами путь к теософии, даже если он стоит на противоположной точке зрения. Можно занимать любую точку зрения, если только не закрывать глаза на очевидное. Из любой философии можно найти путь к теософии.

Лучший способ преодолеть Шопенгауэра - изучить его основательно. Большинство почти не знает его. Но даже здесь необходимо дойти до сути дела, а именно - встать на его точку зрения. У Шопенгауэра двенадцать томов, к которым я написал комментарии. То есть, я многие годы занимался и Шопенгауэром. Поэтому я полагаю, что более или менее разбираюсь в нём. Но если его познают и постигнут по-настоящему, то придут к теософской точке зрения. Придут не благодаря полужнанию, ибо оно уводит от теософии. Половинчатое европейское знание сначала уводит от теософии, ведет к субъективизму, идеализму и так далее. Но пусть это знание станет полным, тогда Западная Европа найдет путь к теософии.

Я уже говорил о Юлиусе Баумане. Он знал, что такое настоящее познание, даже если и не осознал ещё значения теософии, на что, я полагаю, было немного указано. Ибо настоящее знание ни в коей мере не противоречит теософии. Она именно то воззрение, которое всюду несёт мир и терпимость. Все те истины, о которых я говорил, являются ступенями к первоначальной Истине. Кант преодолел ряд ступеней, Шопенгауэр - тоже. Один - больше, другой - меньше. Оба в пути. Но суть в том, насколько далеко они по нему продвинулись. Даже теософия не утверждает, что достигла вершины. Правильный путь - это сам путь, прежде всего тот, на который указывает надпись на греческом храме: "познай самого себя". Мы существа, несущие в себе мировой дух. Насколько мы познаем свое собственное существо, настолько же мы познаём и мировой дух. Восхождение от нашего духа к мировому духу - это и есть теософия.

КАЗАНЬ

2002

ОСНОВЫ ТЕОСОФСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Берлин, 31 октября 1912 год.

Влияние кантовской философии. Высший опыт - источник познания теософии. Кантианство: мир - это мое представление. Христиан Вольф и Кант.

Кант и Юм: опыт не может дать достоверного познания. Достоверное познание дают математические суждения. Согласно Канту человеческий дух - приписывает законы природе. Физиология. Иоанна Мюллера. Непознаваемость "вещи в себе".

ОСНОВЫ ТЕОСОФСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Берлин, 4 декабря 1903 г.

Кантианство. "Грёзы духовидца" Канта. Согласно физике 19 столетия световые и звуковые ощущения есть всего лишь субъективно воспринимаемые колебания. Мюллер о специфической энергии чувств. Внешний мир как сумма обманчивых образов, мир внутренний как образ сновидений. Иллюзионизм как следствие кантианства. Кант о вере и знании. Лишенный противоречий мир Гербарта. Отделение внешнего мира от морального.

ОСНОВЫ ТЕОСОФСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Берлин, 17 декабря 1903 год.

Гносеологическая терпимость теософии: теософия не опровергает различные точки зрения, но ищет во всех истинное зерно. Философия Шопенгауэра и абсурдность её выводов. Предпосылки любого познания находятся в самих вещах. Именно таким и было познание Кеплера. Роберт Гамерлинг. Попытка избавиться от абсурда кантовской философии. Высказывание о нашем познании предполагает нечто подобное выходу из самих себя. Джордано Бруно и Лейбниц мыслили монадологически. Познание из духа. Задача теософского познания.

Из ППС N 52 Перевод Веселова П. В.

